

Лу-чжэньжэнь, возглавлявший группу практиков, заметно занервничал. Сделав несколько шагов вперед, он заслонил собой тех, кто стоял ближе всего.

— Назад от гроба! — выкрикнул он.

Не успело эхо затихнуть, как крышка гроба с треском отлетела. Изнутри, тяжело рухнув на землю, выпрыгнул раздувшийся жирдяй с сочащейся из глазных впадин кровью. Вцепившись в ближайшего носильщика, он с яростным хрипом вонзил зубы ему в шею.

Остальные носильщики с визгом брызнули в стороны. Несчастный, в чью плоть впился мертвец, истошно заорал; глаза его закатились, он забился в судорогах, обезумев от боли и первобытного ужаса.

Лу-чжэньжэнь мрачно насупил и, не опуская преграждающей путь руки, быстро зашептал заклинание. Сзади кто-то истошно запричитал:

— Барин! Отпустите же его! Это ведь сынок ваш, родная кровь!

От подобного зрелища у Чжао Сюэханя похолодело внутри. По ночам тут покойники бродят, среди бела дня — мертвецы из гробов прыгают... Какое-то проклятое, гиблое место!

Он покосился на Янь Кэ. Тот полусидел в густой траве и совершенно бесстрастно наблюдал за паникой в погребальной процессии, явно не собираясь вмешиваться.

Чжао Сюэхань понятия не имел, что за нудную молитву бормочет этот практик. Казалось, прошла целая вечность, несчастный бедолага под мертвецом уже хрипел и затихал, а Лу-чжэньжэнь всё никак не мог закончить. Вокруг визжали, рыдали, суетились, а Чжао Сюэханю оставалось лишь безучастно наблюдать за этой бойней. В груди шевельнулась глухая досада. Он невольно переступил с ноги на ногу, отчего сверток с амулетами и духовными камнями у него за пазухой шуршащим комком сместился в сторону.

Прижав ладонь к груди, он вдруг задумался.

"Кто знает, для чего нужны эти амулеты? — прикинул он. — Почему бы не опробовать их прямо сейчас на этом ходячем трупе? Если угадаю и упокою тварь, сделаю доброе дело. А коли промахнусь — что с того? Рядом Янь Кэ и целая куча бессмертных мастеров, уж они-то не допустят беды"

Развернувшись спиной к Янь Кэ, Чжао Сюэхань осторожно приоткрыл сверток. Стопка желтых бумажных амулетов лежала ровным краем. Он торопливо пролистал их, словно пересчитывал пачку банкнот, и вытащил ту, на которой узор казался самым замысловатым и заковыристым.

"Но как забросить бумажку на мертвеца? — озадачился он. — В идеале следовало бы,

уподобившись какому-нибудь легендарному заклинателю, эффектным и небрежным жестом запустить снаряд точно в цель. Однако расстояние приличное, а в собственных силах я совсем не уверен. Обычный тонкий листок ведь просто закружится на ветру и уныло шмякнется в траву прямо под ногами"

Немного подумав, он не нашел ничего лучше, как ловко сложить из амулета бумажный самолетик. Сложил крылья, поплюнул нос на удачу и, убедившись, что Янь Кэ увлечен зрелищем беснующейся толпы, метнул конструкцию в сторону ожившего трупа.

Особых надежд на успех он не питал — думал, поделка уныло спланирует в гущу людей и её собьет чья-нибудь панически взметнувшаяся рука. Но стоило бумажному самолетiku сорваться с пальцев, как он, точно пущенная из лука стрела, со свистом рассек воздух и вонзился прямо в затылок беснующемуся покойнику.

Коснувшись мертвой плоти, бумага мгновенно развернулась и намертво прилипла к синюшной коже. Тварь истошно взывала и... бесследно растворилась в воздухе.

"Сука, амулет невидимости! — мысленно взывал Чжао Сюэхань. — Вот же пиздец..."

Лу-чжэньжэнь, так и не успев закончить свое занудное заклинание, ошарашенно заткнулся. Лицо его побелело, а в глазах отразился неподдельный ужас. Паника среди людей вспыхнула с новой силой. Несчастный носильщик уже обмяк без чувств, но в воцарившемся хаосе доносилось чавканье и хруст обгладываемых костей — невидимая тварь продолжала пировать прямо посреди толпы.

Янь Кэ медленно повернул голову. Тонкие губы сжались в ниточку, на переносице пролегла глубокая складка. Он не произнес ни слова, но весь его вид буквально вопил: «Ты что творишь, идиот?»

Чжао Сюэхань поспешно прикрыл лапами халата злосчастный сверток и вжался в землю, усердно разглядывая облака с самым невинным видом. Сердце у него в груди колотилось как бешеное.

Он услышал, как Янь Кэ тихо вздохнул и едва заметно шевельнул пальцами. Легкий порыв ветра прошелся по траве и устремился к кричащей толпе. Бумажный самолетик слетел с шеи покойника, покружился в воздухе и бесшумно рассыпался на мелкие клочки, так никем и не замеченный.

Мертвяк внезапно материализовался прямо перед обезумевшими людьми. От таких фокусов у носильщиков окончательно сдали нервы — они безмолвно ломанулись в стороны, растеряв последние силы кричать. Поняв, что цель снова видна, Лу-чжэньжэнь не стал возвращаться к занудной молитве. Он выхватил из-за пояса меч и одним точным, яростным ударом снес чудовищу голову.

Струя зловонной черной жижи брызнула из обрубка шеи на добрый десяток локтей, пара капель даже долетела до притаившегося в кустах Чжао Сюэханя. В этот момент он кристально ясно осознал, почему благородные господа практики предпочитают занудно бубнить заклинания, а не махать железом.

Стоявшего вплотную Лу-чжэньжэня окатило с ног до головы. Выглядел он паршиво, но, кое-как утерев перемазанное лицо рукавом, попытался сохранить остатки достоинства. Повернувшись к скорбящим родственникам, он виновато произнес:

— Я искренне желал сберечь тело покойного господина в целости, но обстоятельства вынудили меня прибегнуть к крайним мерам. Прошу вашего прощения.

Старший из слуг, всё еще дрожа от пережитого страха, панически замахал руками:

— Ну что вы, Лу-чжэньжэнь! Вы ведь нам жизни спасли, мы вовек не забудем вашей милости, какой уж тут упрек! — Он со слезами на глазах посмотрел на обезглавленное тело хозяина и запричитал: — Ох, горе-то какое... Мало того, что безбожные демоны сжили нашего господина со свету, так еще и на собственных похоронах такой срам приключился!

Лу-чжэньжэнь нахмурился. Подойдя к брошенному гробу, он принялся дотошно осматривать деревянную домовину и внезапно замер, уставившись на резной узор, тянувшийся по стыкам досок. Его брови взлетели вверх от изумления.

— Кто наносил этот рисунок? — требовательно спросил он у челяди.

— Так немой художник, господин Суй, — поспешно отозвался слуга.

Лу-чжэньжэнь угрюмо помолчал, разглядывая резьбу, а затем мрачно покачал головой.

— С узором неладно, — изрек он. — Стешите эти знаки дочиста, и только тогда предавайте тело земле. Больше мертвец буянить не станет.

В глазах слуги промелькнул животный страх. Он зычно приказал челяди достать ножи, и те принялись судорожно соскабливать злосчастные завитки с лакированного дерева.

Над головой Лу-чжэньжэня соткалась строчка призрачных иероглифов. Чжао Сюэхань вчитался в них, и внутри у него шевельнулось дурное предчувствие.

Он молча наблюдал, как челядь торопливо заталкивает обезглавленные останки барина обратно в гроб, наспех раскланивается с практиком и убирается восвояси. Чжао Сюэхань незаметно коснулся груди. Там, рядом со свертком амулетов, лежала обломанная дощечка от ушата покойного водоноса Ван У с намалеванным на ней цветком лилейника.

— Душа обычного человека после смерти разделяется, — неожиданно заговорил молчавший до этого Янь Кэ. — И пока тело не предали земле, одна из трех душ неотступно следует за ним, уходя на кладбище лишь после погребения.

Он развернулся и в упор посмотрел на Чжао Сюэханя.

— У покойника, которого мы только что видели, души в теле не оказалось, хоть его и не зарыли. И пропали его три души не сами по себе — их кто-то забрал.

Янь Кэ нечасто баловал его подобными откровениями. Чжао Сюэхань, хоть и жадно ловил каждое слово, поспешил понимающе кивнуть, изо всех сил изображая умудренного опытом магистра.

Янь Кэ прищурился, вглядываясь в его лицо, и неторопливо поднял руку.

Длинные пальцы указали прямо на Чжао Сюэханя. Вокруг ногтей закружились едва заметные пылинки, несомые крошечными вихрями. Чжао Сюэхань похолодел, по виску скатилась капля холодного пота.

"Похоже, он заметил, как я швырялся амулетами, — обреченно подумал Чжао Сюэхань. — Ну всё, приехали, сейчас он меня прихлопнет"

Янь Кэ оставался бесстрастен. Не сводя с Чжао Сюэханя тяжелого взгляда, он резко опустил ладонь.

Почуввав приближение резкого порыва ветра, Чжао Сюэхань зажмурился и вжал голову в плечи.

Он покорно ждал неминуемого удара, но ледяное лезвие так и не коснулось кожи. Заподозрив неладное, Чжао Сюэхань осторожно приоткрыл один глаз.

Перед самым его носом парил крошечный лоскут ткани, начисто срезанный с его собственной груди — как раз тот самый, куда попали брызги черной крови мертвеца. Янь Кэ едва заметно шевельнул пальцем, и грязная тряпица отлетела в сторону.

На месте среза зияла аккуратная дыра. Янь Кэ плавно повел указательным и средним пальцами. Словно по волшебству, тончайшие струйки воздуха подхватили торчащие нитки по краям прорехи. Нити сплетались, совершая немыслимые кульбиты, и послушно ложились в ровные стежки. Ошарашенный Чжао Сюэхань мог лишь молча глазеть на то, как этот могущественный практик с помощью магии ветра виртуозно латает его халат.

Последняя ниточка затянулась в узел, Янь Кэ сделал легкий пасс ладонью, и ткань на груди Чжао Сюэханя послушно расправилась. Поврежденное место теперь выглядело совершенно целым, разве что материя в этом месте натянулась чуть плотнее обычного.

Он растерянно пощупал грудь, переводя взгляд с безупречной заплатки на Янь Кэ. В голове царил полнейший сумбур.

"Он... только что зашил мне халат? Seriously? — крутилось у него в мыслях. — Какой заботливый, надо же..."

"Нет, стоп! Нельзя было сделать это нормальным человеческим способом? У меня чуть инфаркт не случился!"

Янь Кэ продолжал упорно молчать, буравя его взглядом. Чжао Сюэханю сделалось не по себе под этим прицельным прищуром. Ему почудилось, будто холодный мечник ждет от него похвалы, хотя представить Янь Кэ, жаждущего одобрения, было решительно невозможно.

— Недурно, — выдавил Чжао Сюэхань, силясь сохранить невозмутимый вид.

Но стоило этому короткому слову слететь с его губ, как лицо Янь Кэ неуловимо помрачнело. Чжао Сюэхань услышал его тихий, полный разочарования вздох. В ту же секунду над головой мечника соткалась тоскливая фраза: «Всё не так».

Сердце Чжао Сюэханя болезненно сжалось.

"Опять не угадал"

Однако пускаться в объяснения Янь Кэ не пожелал. Он молча развернулся и зашагал прочь по тропе. Призрачные иероглифы над его макушкой бесследно растаяли, оставив Чжао Сюэханя в полнейшем недоумении. Разобрать, какие бездны скрываются в душе этого нелюдимо молчуна, было выше его сил.

"Молчит как рыба, да и в мыслях у него вечно шаром покати, — уныло плетясь следом, ворчал про себя Чжао Сюэхань. — От этого Чтения Мыслей толку чуть. Выбери я тогда Обезглавливающий Взгляд, сейчас бы горя не знал. По крайней мере, не пресмыкался бы перед этой ледышкой"

Воспоминание об Обезглавливающем Взгляде отозвалось в груди тупой болью.

Он уныло посмотрел на закатное солнце. Второй день его пребывания в этом мире неумолимо катился к вечеру, а он до сих пор не продвинулся в освоении грозной техники ни на полпальца. Единственным успехом оставался тот злосчастный ушат с помоями покойного Ван У, который Чжао Сюэхань ухитрился разнести на щепки. Все его последующие попытки разрубить взглядом хоть какую-нибудь мелочь неизменно оборачивались полным провалом.

Спросить совета у Янь Кэ он не решался — слишком уж силен был страх разоблачения. Раскрой мечник, что перед ним сидит фальшивый Демонический владыка, Чжао Сюэханю несдобровать. Но как тогда овладеть этой чертовой техникой?

Чжао Сюэхань вспомнил Лу-чжэньжэня и его высокомерных спутников, и на душе сделалось совсем паршиво. К этим напыщенным праведникам и подавно соваться не стоило.

Промаявшись бесплодными размышлениями всю дорогу до постоянного двора, он так ничего и не придумал.

Переступив порог постоянного двора, Янь Кэ молча пересек общий зал и удалился к себе. Чжао Сюэхань помедлил у дверей. Сама мысль о том, чтобы сидеть с молчаливым мечником в тесной комнате и бессмысленно пялиться друг на друга, вызвала у него глухое раздражение. К тому же он так и не придумал, как подступиться к расспросам о контроле ци. В итоге он решил остаться внизу.

Заказав чайник бодрящего настоя и пару нехитрых закусок, он уже собирался достать из-за пазухи заветные амулеты, дабы изучить их повнимательнее, как вдруг его внимание привлекли двое слуг. Притащив длинную скамью, они вскарабкались на нее и принялись осторожно снимать со стены массивное полотно.

На холсте были изображены пышные, кричаще-яркие пионы. Манера письма и размашистые мазки показались Чжао Сюэханю смутно знакомыми.

Пока он разглядывал полотно, подоспел трактирный слуга с дымящимся чайником. Чжао Сюэхань пододвинул к нему пиалу и, поведя подбородком в сторону рабочих, негромко поинтересовался:

— Послушай, любезный, а зачем картину-то снимают? Висела ведь себе спокойно, глаз радовала.

<http://bllate.org/book/19675/2002855>